Рисунок Ю. ГАНФА.

СО ЩИТОМ...

RF

СУВЕРЕНИТЕТ

НА ЩИТЕ.

ПАРИЖСКИЕ СОГЛАШЕНИЯ

ратифика-

ЮГ 55

КРОКОДИЛ

№ 2 (1400) ИЗДАНИЕ ГАЗЕТЫ «ПРАВДА» ГОД ИЗДАНИЯ XXXIII ЦЕНА НОМЕРА 1 р. 20 к. МОСКВА 20 ЯНВАРЯ 1955

Рисунок А. КАНЕВСКОГО.

РЕДКИЙ ГОСТЬ

— Она у нас мирная, но посторонних недолюбливает...
— Какой же я посторонний — я ваш зоотехник!

ФОРМЕННАЯ НЕРАЗБЕРИХА

Коля Зыбин сам не понимал, как это случилось. Ещё утром, когда он уходил в школу, всё было в порядке, а вернувшись домой и сняв пальто, он обнаружил, что пропала пуговица. На всякий случай Коля тщательно ощупал себя, два—три раза подпрыгнул на месте, надеясь, что она откуда-нибудь вывалится, но всё было напрасно: пуговица исчезла.

— Мама, — сказал Коля, — у меня потерялась пуговица от кителя.

— Вечно у тебя что-то теряется,— проворчала мама в ответ.— Пойдём в «Детский мир» и купим.

Придя в магазин, они направились к прилавку, за которым торговали форменной одеждой для школьников. Здесь стояло несколько мамаш с сыновьями разного возраста.

— Нам нужны пуговицы для кителя, — сказал Коля.

— Пуговицы отдельно не продаём, мальчик, — ласково ответил продавец.

— Интересно! — рассмеялась колина мама. — Неужели ради пуговиц придётся купить китель?

— Не беспокойтесь, не придётся. Кителя отдельно тоже не продаём. Только с брюками.

— А брюки? — спросил курносый мальчик лет девяти, выглядывая из-за спины своей мамаши.— Мои уже протёрлись: я на них с горки катался.

— Любишь кататься, люби и с заплатками ходить, — весело произнёс продавец.— Брюками отдельно не торгуем. Вот фуражку, пожалуйста, можешь купить.

— Вряд ли она ему заменит брюки, — сказала мама мальчика.

— Пожалуй, вы правы,— согласился продавец,— но зато у вашего сына будут запасной герб и металлическая распорка для фуражки. Они могут потеряться, а отдельно мы их не продаём.

В это время рядом с Колей что-то зашевелилось, и он увидел протиснувшегося к прилавку и поднявшегося на цыпочки маленького школьника, видимо, первоклассника.

— Пожалуйста, мне нужна пряжка, — держась кончиками пальцев одной руки за прилавок, а второй рукой ухватившись за свою маму, вежливо сказал малыш и покраснел. — Она сломалась, а без неё ремень никак не держится. Я пробовал... Можно купить новую пряжку?

— Только вместе с ремнём, миленький,— улыбаясь, ответил продавец.

— А мне ремень не нужен, у меня есть...

— Ишь ты, не хочется ремня!.. — засмеялся продавец.

— Как же быть? — спросили мамы. — Вы ничего отдельно не продаёте, а нам всё это нужно отдельно.

— С этим вопросом, — развёл руками продавец, — обратитесь в вышестоящие инстанции.

— Ну, что ж, — вздохнули мамы, — обратимся!

И пошли мамаши по инстанциям.

Директор магазина «Детский мир» тов. Артеменко отнеслась к ним сочувственно. Начальник промтоварного сектора Мосгорторготдела тов. Литов выслушал их с большим вниманием. В «Главторгодежде» руководитель отдела ассортимента и качества швейных изделий тов. Павлов принял их весьма радушно. Тов. Голубев из «Главгалантереи» отнёсся к мамашам исключительно сердечно.

И все они сокрушённо покачивали головой:

— Знаем. Понимаем. Соболезнуем. Но ничего не поделаешь! Школьную форму можно продавать только в комплекте. Да вы не огорчайтесь, мы заботимся и о деталях: кое-что заказано, кое-что занаряжено, кое-что запланировано... Надеемся, вы удовлетворены и у вас нет больше вопросов по форме?..

Нет, есть вопросы. И по форме и по существу. Неужели так трудно было своевременно догадаться, что школьник может запросто потерять пуговицу, сломать пряжку и досрочно протереть брюки? Или, может быть, считается, что протирание брюк — монополия людей, просиживающих весь день за бумагами и оторванных от жизни?

Я. ДЫМСКОЙ

ПОДЁНЩИКИ

До чего просто жилось руководителю строительства в бронзовом веке! Вся механизация состояла из рычагов первого и второго рода. Мудрить над использованием техники не было нужды. Получил заказ, помолился соответствующему идолу — и за дело.

В наше время строителям предоставлена мощная техника: башенные краны, экскаваторы и сотни других механизмов. Как их использовать, эти механизмы, чтобы строить быстро, дёшево и добротно?

Руководители треста «Вологодстрой» ломают свои головы над этим вопросом ежедневно от девяти часов утра до шести часов вечера, за исключением перерыва на обед. А пока они, запершись в кабинетах, думают, на дворе, перед управлением треста, мирно ржавеют в тесноте и забвении экскаватор, скрепер и бульдозер. Жизнерадостно чирикают воробьи на сваленных в одну кучу транспортёрах, бетономешалках, лебёдках, гравиемойках. Стоит так и не дебютировавшая в тресте механическая пескосеялка по соседству с новенькими, тоскующими по работе растворонасосами.

— Почему не работает экскаватор? — поинтересовались мы у начальника производственно-технического отдела треста Георгия Ивановича Аксёнова.

Лицо его приняло скорбное выражение.

— Такая жалость! — вздохнул он.— Никак не могли обеспечить его машинным маслом.

— Масла на базе сколько угодно,— слышится поправка,— бочки не было.

— Да, такая неудача,— кряхтит начальник отдела,— не могли достать бочку под масло.

— И бочку разыскали,— снова поправляют его,— а масляного манометра найти не могли.

— Вот именно,— печально произносит он,— всё дело в манометре...

В нескольких метрах от застывшей механической пескосеялки установлено бесхитростное сито-грохот. Рабочие лопатами швыряют на него песок.

— А пескосеялка почему не работает?

Начальник отдела молчит. Никто в тресте ответить на этот вопрос не может.

* * *

Если бы прораб древности в силу какого-либо необъяснимого случая очутился на современной строительной площадке треста «Вологодстрой», он не очень удивился бы прогрессу строительного дела. Увидел бы он, как вырастает коробка здания, а кирпичи каменщикам подают выстроившиеся цепочкой рабочие, совсем как во времена возведения первых каменных теремов. Шлак на засыпку перекрытий носят носилками. Штукатурят и красят тоже преимущественно вручную.

До того всё это выглядит ветхозаветно, что мы поспешили задать вопрос, возвращающий в нашу эпоху:

— В социалистическом соревновании участвуете?

— Соревновании? — удивились подносчицы кирпича.— Мы бы с удовольствием, но мы же подённо работаем. Прораб Косов за день платить нам будет. Сколько ни сделаем, всё хорошо...

Подносчики шлака тоже работают подённо. Рядом не очень бойко стучат топорами плотники. Сколько им выделит от своих щедрот тот же прораб Косов, они даже и не знают.

— Обещал, что не обидит,— сообщают плотники.

Позднее выяснилось, что о соревновании руководители треста мыслят только в общих чертах. Начальство установило, что все объекты соревнуются за успешное выполнение плана, а как это выглядит в деталях, не поинтересовалось.

— Не до этого,— вздыхает начальник производственно-технического отдела, — и так хлопот полон рот...

Хлопоты у командиров производства совершенно своеобразного порядка.

В один прекрасный день обнаружилось, что стену многоэтажной коробки здания будущей школы руководящих колхозных кадров сверху донизу рассекла зияющая трещина. Строители стали хлопотливо маскировать свой брак цементным раствором.

Особенно хлопотно пришлось на строительстве здания педагогического института. Возвели стену и обнаружили, что стоит она не там, где нужно, а на двадцать сантиметров в стороне. Пришлось переделывать плиты перекрытий. Попутно выяснилось, что забыли сделать в стенах выемки для плит подвальных перекрытий. И вот трудолюбиво застрекотали отбойные молотки, ломая кладку. Под конец разобрались, что и оконные проёмы подвала заложены не на месте, но на это уже махнули рукой.

— Почему это в тресте нередко получается совсем по пословице «Шила милому кисет — вышла рукавица»? — спросили мы у прораба Марии Степановны Крыловой.

— Это проще простого,— ответила она.— У нас ни на один строительный объект нет проекта организации работ. Как по ходу дела придумываем, так и получается.

...И всё же, невзирая на трудности, неутомимо создаваемые безответственностью руководителей треста, новое здание подводится под крышу, освобождается от лесов и начинает украшать собой городской пейзаж. Строители бьют себя кулаками в грудь и божатся перед заказчиками, что дом построен добротно. Все сроки давно прошли. Заждавшийся заказчик дополняет акт приёмки списком недоделок и скрепя сердце подписывает его под честное, благородное слово строителей — расшибиться в лепёшку, но доделать всё в ближайшие дни. Здание вступает в эксплуатацию...

Вот одно из последних и наиболее характерных детищ треста — школа № 2.

— Осторожней,— предупреждает уборщица,— не поломайте ноги!

Цементный пол за порогом имеет настолько глубокие выбоины, что если бы их заполнить водой, получились бы бассейны, достаточные для испытания моделей парусных яхт. Впрочем, подвал школы залит водой уже не условно, а фактически, и в нём, помимо испытания игрушечных судов, можно поплавать на настоящей лодке. Много радости приносит младшим школьникам деревянный настил полов. Рассохшиеся доски местами вздыбились и подбрасывают вверх не хуже пружинного трамплина. Двери в школе могут служить наглядным пособием при изучении основных законов механики. Стоит приложить к косяку незначительные внешние силы, как вся дверная коробка лишается состояния относительного покоя и начинает колебаться в дверном проёме, осыпая штукатурку и грозя вывалиться вовсе.

Оригинальные свойства школы-новостройки этим далеко не исчерпываются. Краска на стенах здесь стала меняться в цветах с непостижимой непоследовательностью и наконец покрылась дивными мраморными узорами. Жалобно потрескивают рассыхающиеся подоконники. Пушистый снег, беспрепятственно проникая через крышу, плотным белым покрывалом окутал чердак...

Нельзя сказать, чтобы школа № 2 была самым постылым детищем треста. Много зданий поставили строители, но далеко не все они вступили в жизнь окружёнными родительской заботой и вниманием. Многие, как нелюбимые пасынки, сбывались с рук как-нибудь...

* * *

Мы подробно рассказали управляющему трестом о наших впечатлениях от экскурсии по строительным объектам. Георгий Иванович Коперин печально вздохнул и высказался настолько тонко и витиевато, что в первые минуты вообще было непонятно, куда он клонит. В конце концов его длинная речь свелась примерно к следующему:

— Объективно вы, возможно, и правы. Годовой план трестом не выполнен. Почти на миллион убытков понаделали. Подёнщина, брак, недоделки, антимеханизаторские настроения... Это, конечно, резонно. Но... надо рассуждать по существу. Современные строительные механизмы — это вам не какие-нибудь примитивные рычаги первого и второго рода. Организация строительства стала сложной. Другие бы на нашем месте могли работать ещё хуже, а мы вот боремся всё-таки с трудностями, строим... А могли бы работать куда хуже,— закончил он с глубокой убеждённостью в своей правоте.

Таким и остался в нашей памяти Георгий Иванович Коперин — с сурово-печальным лицом и непоколебимой верой в свои доблести: мог бы работать хуже, да вот не идёт на это!

Впрочем, следует признать, что трест действительно мог бы работать хуже. Все условия для этого имеются. Большинство зданий, возведённых в прошлом году «Вологодстроем», так и не было принято городской инспекцией государственного архитектурно-строительного контроля. Но на выручку тресту приходил горисполком. Он, как слабохарактерный родитель, всё прощал своему неприлежному чаду.

— Руки оторвать за такую работу мало! — возмущались педагоги новой школы № 2. — Сколько брака, недоделок!..

— Ну зачем так строго? — удручённо вздыхал заместитель председателя горисполкома Николай Александрович Каретин.— Он исправится и будет работать хорошо. Ведь будешь, Георгий Иванович?..

— Буду,— обещало чадо,— пусть только перестанут меня нервировать.

— Ну и прекрасно!.. Примем решение исполкома начать эксплуатацию школьного здания. Всё равно ведь деваться некуда: учебный год наступает...

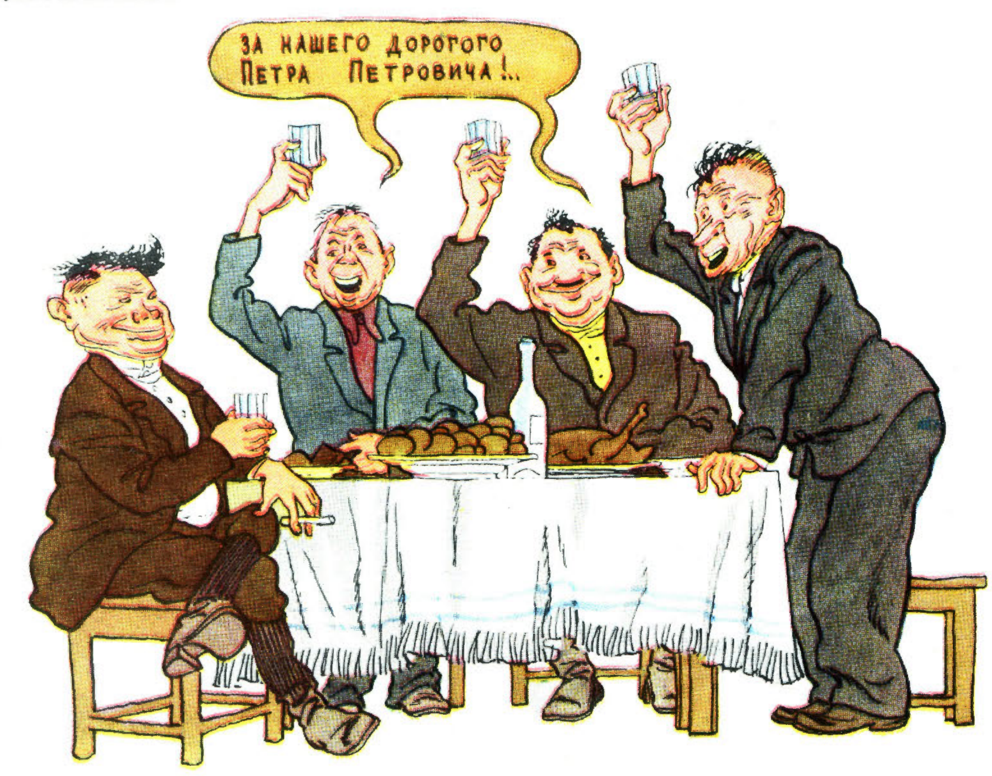
Подобные решения исполкомом принимались уже много раз.

Ну чем плохие условия созданы тресту?! Сколько ни сделают, как ни сделают,— всё хорошо, словно весь трест на подёнщине.

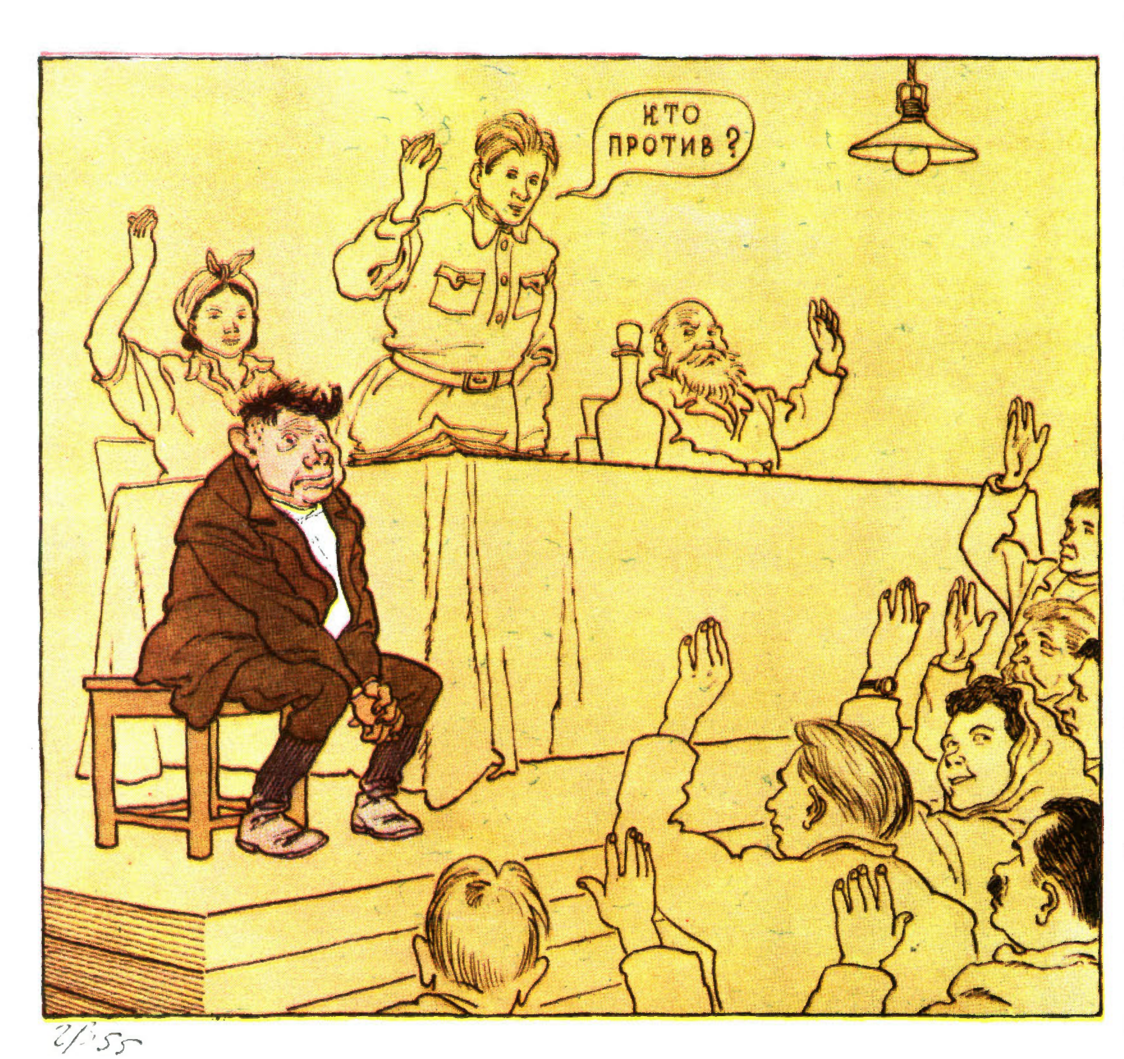
В. ИНДИН,
специальный корреспондент Крокодила.
г. Вологда.

ПРОСЧИТАЛСЯ

Рисунок Г. ВАЛЬКА.

Голоса за...

Голоса против...

К. ГУСЕВ

Светла от снега и от инея,
Свежа, как молодость сама,
Своею далью бело-синею
Опять смущает нас зима.
Не знаю, кстати ли, некстати ли
Она так вкрадчиво нежна:
Глядите, мол, друзья-приятели,
Для вас проложена лыжня!
Что ей ответить? Мы сконфужены...
Куда зовёт нас лыжный след?
И днём и ночью мы загружены,
И нам по тридцать с лишним лет.

Зима! Давно на заседания
Свидания сменили мы.
Нам неотложные задания
Даны из-за тебя, зимы.
И, может быть, от нас отступится
Простая свежесть января,
От наших доводов потупится
Беспечная зима...
А зря!
За докладными и докладами
Мы коротаем вечера...
Вдруг ночь снежинками прохладными
Швырнёт в окошко со двора,
Вдруг подмигнёт глазами-звёздами,
Зовя в заснеженную степь.
Мы стали важными, серьёзными,
Мы перестали песни петь...
Давай-ка вспомним, как неделями
Нас прятали с тобой снега,
Как ловко лыжами владели мы,
Когда ходили в тыл врага!
Зачем же за двойными рамами
Нам пропадать теперь в тепле?

Шагами твёрдыми, упрямыми
Зима шагает по земле.
И ветры, с лихостью неистовою
В степных просторах заиграв,
С железным шумом перелистывают
Железную листву дубрав.
Забрал и озерца, и старицы,
И реки взял мороз-злодей.

... Товарищ, разве дело — стариться?
Давай, товарищ, молодей!
Ещё грозят нам старым холодом
Чужие лютые слова,
Но будет вечно наша молодость
Победной силою жива,
И дружной песней, и оружием,
И сердцем, бьющимся в груди...
Зима! Зови нас ветром, стужею,
Лыжнёй в ночную степь веди!

Рисунок К. ЕЛИСЕЕВА.

НЕ БЫЛО БЫ СЧАСТЬЯ...

— Налей бензина, председатель райисполкома заехал: у него горючее кончилось.
— Подожди немного, а то он сейчас же и уедет...

«БАЛАНС НА МЕРТВОЙ ТОЧКЕ»

На центральной улице Павлодара встретились два алмаатинца: журналист, посланный на целину ещё весной, и артист, приехавший сюда осенью с бригадой для обслуживания колхозников и механизаторов. После радостных приветственных междометий у них произошёл такой разговор:

— Так ты тоже на целину?

— Конечно, прямо пароходом! Что ж нам от вас, журналистов, отставать...

— Постой, постой! Как «пароходом»?! С каких это пор они по суше стали ходить?

— М-м... Видишь ли, мы сначала в Семипалатинск заехали, там концерты давали. Теперь тут. А завтра едем на курорт, в Муялды.

— А когда ж на целину?

— Да там и клубы-то ещё только строят... Ну, брат, извини, тороплюсь...

...Пока приехавшие «на целину» артисты кочуют по городам и курортам, рабочие совхозов и колхозники Павлодарской области месяцами не видят у себя профессиональных певцов, музыкантов, мастеров оперного и драматического искусства.

В Петропавловске существует кустовое концертно-эстрадное бюро, которое обязано обслуживать Павлодарскую область. Однако «бригадам» и «ансамблям» бюро не доверяет даже сам его директор тов. Правдин. Об этом красноречиво говорят письма, присланные им в Павлодарское областное управление культуры. В них он страстно просит «категорически и ни в коем случае» не разрешать в городе концерты артистов, гастролирующих по путёвкам бюро. И уж никак нельзя позволять артистам, предостерегает тов. Правдин, печатать свои рекламы! Далее директор с прискорбием поясняет причину своих волнений: «Имеются случаи, когда бригады, пользуясь отсутствием контроля, печатают афиши, ленты, летучки с крикливым и бульварным содержанием». Артисты без колебаний «...объявляют себя «московскими», «ленинградскими», пытаются ввести зрителя в заблуждение».

Но «ансамбли» прибывают в Павлодар и без путёвок, так сказать, самотёком, с большим запасом уже отпечатанных «афиш, лент и летучек»... Вот одна из них. С плаката на зрителей «завлекательно» смотрят молодой пижон и девица демонической внешности, в чёрном плаще и цилиндре. Текст афиши составлен по образцам пятидесятилетней давности:

«Гастроли ансамбля артистов оригинального жанра. Аттракцион. Вечер смеха. Большая разнохарактерная программа. Захватывающее зрелище в воздухе. Высшее достижение гимнастики. Баланс на мёртвой точке с предметами и кипящим самоваром. Рекордные прыжки с пяти столов и эквилибр на стульях».

Павлодарцы дивятся, усмехаются, но смотреть на оригинальных артистов с кипящим самоваром всё-таки идут.

— А куда им ещё идти? — вздыхают в отделе культуры. — Русский драмтеатр ставит одну и ту же пьесу. Был казахский театр, да погорел: здание в буквальном смысле, а артисты... артистов в нём осталось восемь... родственников руководителей театра Хамзина и Бекова.

А зрителей в Павлодарской области теперь столько, сколько никогда не снилось работникам управления культуры! Но концертно-эстрадное бюро дремлет и не замечает перемен. Нет, нет, да и пришлёт оно в степи Прииртышья какой-нибудь «баланс на мёртвой точке».

— Приезжал иллюзионист Расторгуев, — припоминают павлодарцы. — Был Солдатенков с цыганами. Был Иванов, тоже с цыганами. Только цыгане его вроде бы и не цыгане...

— А Виноградская? Забыли?

— Как забыть! Приехала весной с ансамблем. Назвалась «ленинградской солисткой»! Смех! Погорела, конечно. Заболел кто-то в её бригаде, она спешно взяла взамен из драмтеатра жену администратора...

— Артистку?

— Просто жену! Объявили её мастером художественного слова. А она вышла на сцену — и не то что «художественного», вообще слова сказать не может. Ну, в зале шум, хохот...

— Почему же к нам настоящие артисты не едут?!

Секретарь Максимо-Горьковского райкома партии тов. Кабурнеев жаловался:

— Мы уж и ждать перестали артистов из центра, из Алма-Аты, даже из Павлодара. Правда, наша местная самодеятельность работает, можно сказать, не покладая рук. И большим успехом пользуется! А всё ж таки... Хочется людям порадоваться искусству настоящих, больших мастеров!

Надоели освоителям целины «баланс на мёртвой точке и захватывающие зрелища в воздухе».

Пётр БЕЛЯВСКИЙ

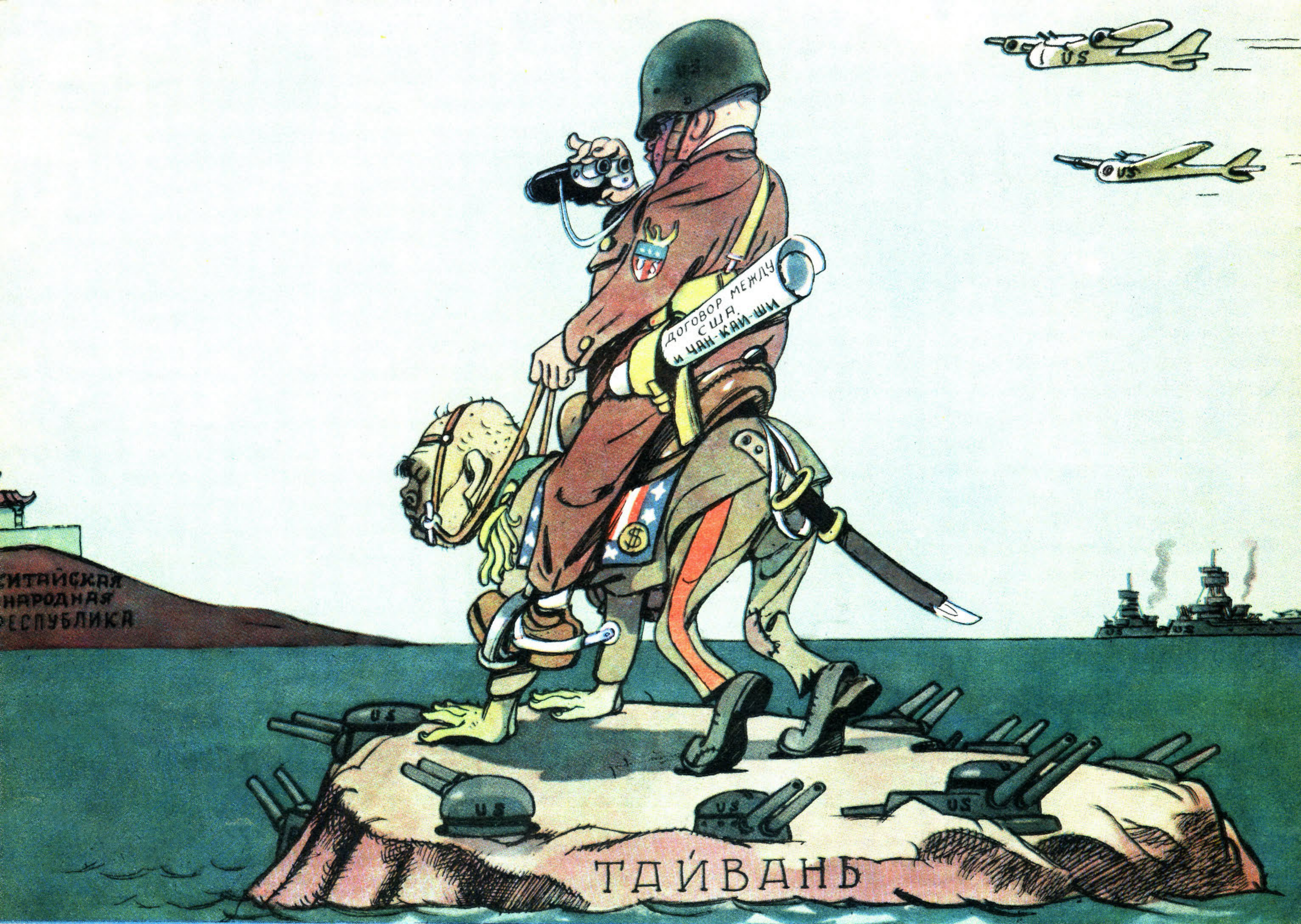

Рисунок Ю. ГАНФА.

Заокеанский Мальбрук на своём любимом коньке.

Веслав Леон БРУДЗИНСКИЙ

ДИРЕКТОР НА ВЫСОТЕ

Прежде чем войти к директору, Стрончек долго изучает перечень дел. Он деловито просматривает каждую папку, а иногда обращается и за советом к наиболее продвинувшимся в идеологической учёбе товарищам. И наконец, одолев природную робость, с отчаянной решимостью вторгается в кабинет.

Директор восседает за письменным столом. Перед ним лежит комплект журнала «Нове дроги», который здесь в таком почёте, что никто не осмеливается стереть с него пыль.

— Что нового, товарищ Стрончек? — спрашивает директор.

— Прежде всего предложение нашего завода в Козицах перемещать грузы с помощью транспортёра. Достаточно будет небольшой перестройки в здании склада...

— К чему эти перестройки? Затраты большие, а какие результаты, ещё неизвестно. Категорически возражаю. Напишите отказ.

— Это же малая механизация, товарищ директор...

— А-а!.. Ну, так с этого и надо было начинать. Малая механизация — это неоценимая помощь в нашей великой борьбе за выполнение плана, товарищ Стрончек. Давно пора бы знать!

— Вот именно, товарищ директор.

— Ясно, что этот вопрос надо решить в положительном смысле. Что ещё?

— Мастер Кобеляк просит назначить на должность контролёра товарища Флёрчака.

— Флёрчака? Этого молокососа?

— Мастер Кобеляк утверждает, что Флёрчак очень способный.

— Способный, но молокосос! В его возрасте я был только рассыльным. Больно легко теперь всё достигается!

— Но ведь это молодые кадры, товарищ директор.

— Молодые кадры? Ага!.. Ну да... Конечно... В таком случае я согласен. Забота о кадрах — основная задача всякого руководителя.

— Ещё у меня есть просьба Рабенды поддержать его ходатайство об обмене квартиры на более близкую. Он живёт очень далеко, чуть ли не полдня тратит на дорогу. Не присоединить ли к его заявлению наше письмо?

— А нам что за дело? Производство, что ли, от этого страдает? Опаздывает он на работу?

— Нет, приходит-то он во-время, да только...

— Ну, так всё в порядке.

— Но ведь, позвольте заметить, это вопрос улучшения быта.

— Ах, улучшения быта? Хм... Вот как... Ну, это — дело другое. Вопросы быта трудящихся неразрывно связаны с проблемами производства. Понятно?

— Понимаю. Значит, вы согласны направить такое письмо, товарищ директор?

— Конечно! Немедленно! Прямо берите и проворачивайте... Э-э... Кгм... А в чём там дело? Я, простите, не очень внимательно слушал.

— В отношении улучшения быта, точнее...

— Быта? Ну, конечно! А мне послышалось, что вы что-то говорили о Рабенде. Итак, бытовые вопросы... как это я сказал?

— ...неразрывно связаны с производством, товарищ директор.

— Вот видите, даже вы после разговора со мной выросли в идеологическом отношении. Это меня радует. Учитесь, Стрончек, растите! До свидания.

Ночью Стрончеку приснился страшный сон. Снилось ему, что на заводе произошло нечто совершенно новое, необычайное, ещё небывалое. Что-то такое, что нельзя было подвести ни под проблему кадров, ни под режим экономии, ни под рационализацию. Это «что-то» нельзя было увязать ни с бдительностью, ни с борьбой против брака, ни с мелкими хищениями, ни с контролем исполнения. И в то же время с этим «что-то» надо было что-то делать.

Самым страшным для Стрончека был вопрос: «Как же теперь уломать директора?»

Перевёл с польского А. ТИМАШЕВ.

ЧЕРНЫЙ БИЗНЕС ЖЕЛТОЙ ПРЕССЫ

— Джентльмены! Я должен предупредить вас: хозяин вами весьма недоволен. Вы неплохие парни и в общем нравитесь мне, однако бизнес есть бизнес. Если так будет продолжаться, мы расстанемся...

— Но, босс...

— Никаких «но»! Когда говорю я, вам следует слушать. Ваша работа даёт результаты, противоположные тем, каких от неё ожидают.

— Но, босс, не всегда же удаётся выдать чёрное за белое...

— Чепуха! За доллары вы обязаны делать то, что от вас требуют. Кто не согласен со мной, может считать себя безработным.

Последний аргумент оказался особенно убедительным.

— Итак,— продолжал босс,— наше правительство отказалось принять участие в совещании по созданию системы коллективной безопасности в Европе — вы это знаете. Не является для вас секретом и то, что Соединённые Штаты перешли в настоящее время к открытому вооружению Западной Германии. Всё это, мягко выражаясь, не встречает симпатий у простых американцев, не говоря уже о европейцах и прочих... В последнее время всюду, в том числе и в Штатах, стала слишком популярной тема мирного сосуществования двух систем, очень вредная для нашего хозяина тема. В частных беседах представители Пентагона и Уолл-стрита выражают серьёзные опасения, что тенденции к мирным речам и ослаблению напряжённости в международном положении обойдутся им в миллиарды долларов. Вы понимаете, что это значит?! Идея возможности мирного сосуществования должна быть похоронена раз и навсегда. Надеюсь, вы меня поняли, джентльмены?!

— Но, босс, разве мы не делаем всё возможное, чтобы помешать ослаблению международной напряжённости, чтобы сорвать всякую попытку урегулировать путём переговоров тот или иной спорный вопрос?

— Речь не идёт о том, делаете ли вы это. Речь идёт о том, как вы это делаете. Грубо, мелко, по-кустарному! Вы только послушайте, что пишет о сосуществовании «Вашингтон пост энд Таймс геральд»! «Сосуществование,— по мнению этой газеты,— это вооружённое перемирие». Или возьмите журнал «Нью лидер». Он, видите ли, убеждает, что сосуществование не означает дружбы и сотрудничества и едва ли означает взаимную терпимость. А такой солидный журнал, как «Нейшнс бизнес», называя сосуществование «хитрым новым словечком», пишет: «Это слово заставляет насторожиться, это — слово, которого нужно остерегаться». Нет, это не работа, это детский лепет!

— Сэр, я хотел бы напомнить, что «Нью-Йорк таймс» имеет на своём счету более тонкие высказывания по этому вопросу. Газета писала, что Соединённые Штаты имеют значительно более широкую, более привлекательную концепцию международных отношений, чем та, которую представляет идея мирного сосуществования.

— Но позвольте, «Нью лидер» пошёл дальше: он назвал мирное сосуществование «большим злом»!

— А «Вашингтон пост энд Таймс геральд» призывала к сосуществованию с позиции силы!..

— Довольно, джентльмены! Мне надоело выслушивать весь этот вздор. Сенатор Ноулэнд прямо заявляет, что американская альтернатива идеи мирного сосуществования — это превентивная война. А печать не должна об этом говорить, на то вы и журналисты.

— Простите, сэр, но что значит отвергать идею мирного сосуществования и в то же время не делать этого?

— Будто вы первый день живёте на свете и не знаете, как в таких случаях поступает американская печать! Пишите, что в принципе Соединённые Штаты ничего не имеют против идеи мирного сосуществования и готовы даже всячески её приветствовать, но дело, мол, упирается в необходимость найти «правильное» или «приемлемое» определение понятия «мирное сосуществование». Словом, используйте любой приём, но чтобы идея мирного сосуществования была опорочена. Надеюсь, вы меня поняли?

— Да, сэр.

— Будут ли у вас ко мне вопросы?

— Нет, сэр.

— Тогда действуйте!

* * *

И американская пропагандистская машина действует. Приведённый выше диалог не претендует на стенографическую точность. Но откройте любую американскую буржуазную газету или журнал — и вы убедитесь, что варево, которым потчует своих читателей американская пропаганда, изготовлено по стандартному рецепту. Жёлтая пресса, как и всегда, делает свой чёрный бизнес.

В. ГРИГОРОВИЧ

Рисунок В. ГОРЯЕВА.

АМЕРИКАНСКИЕ ТУРИСТЫ В ЕВРОПЕ

— Меня больше интересуют пока ещё целые объекты.

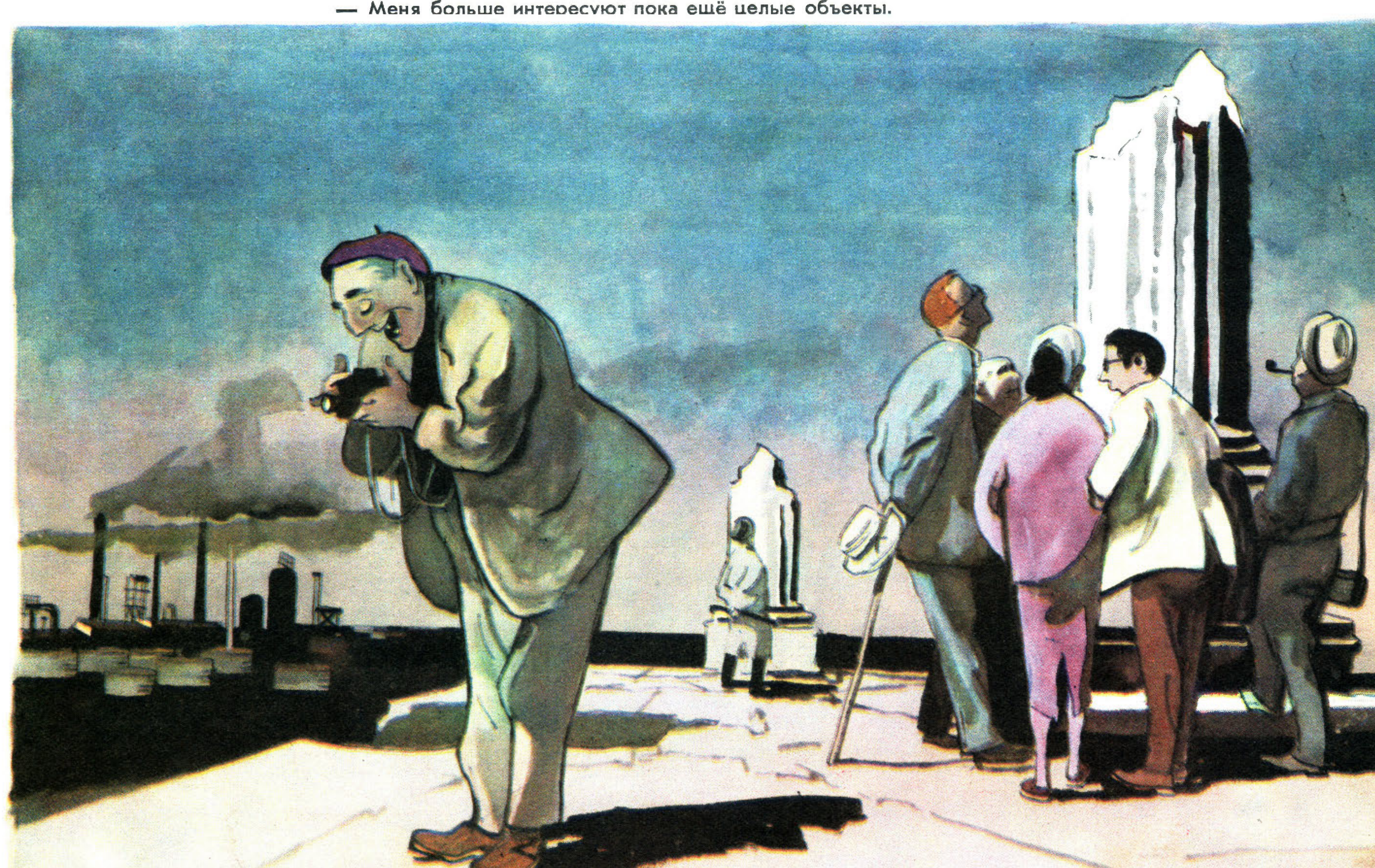
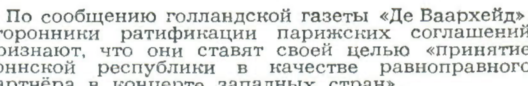

Рисунок Бор. ЕФИМОВА.

По сообщению голландской газеты «Де Ваархейд», сторонники ратификации парижских соглашений признают, что они ставят своей целью «принятие боннской республики в качестве равноправного партнёра в концерте западных стран».

Бор. Ефимов - 55.

ОБНОВЛЕННЫЙ ЗАПАДНОЕВРОПЕЙСКИЙ КОНЦЕРТНЫЙ АНСАМБЛЬ

УМНИКИ ИЗ ЛУВСЬЕННА

К штабу Северо-атлантического союза в Лувсьенне (близ Парижа) подкатили легковые машины. Дверцы отворились почти одновременно, и перед взором часового, охраняющего подъезд, предстала пёстрая толпа офицеров.

— Господа,— сказал один из прибывших, одетый в американскую форму,— следуйте за мною.

Часовой привычным жестом принял пропуск, не удостоив особым вниманием штабных франтов, представлявших армии некоторых стран Северо-атлантического блока.

Вскоре вся группа очутилась в тесном, слабо освещённом коридоре.

Американец подошёл к двери с табличкой «Вход запрещён». Звякнули ключи, и тяжёлая, обитая железом дверь подалась под напором офицерского плеча.

— Пожалуйте,— сказал американец, включив электрический свет.

Здесь стояла тишина, как в средневековом склепе. Стены были задрапированы тяжёлым сукном чёрного цвета. В воздухе чувствовалась сырость.

— Брр! — поёжился греческий офицер, нагнувшись к своему итальянскому коллеге.

Итальянец приложил палец к губам.

— Вы на меня нагоняете холод, господин Канилопулос,— сказал он.

— Не шутите, мне страшно...

— Господа,— начал офицер-американец,— через минуту вы увидите нечто такое, что вас поразит... А пока прошу поднять руки тех, кто уже встречался с советскими военными.

Первым взметнул руку над головой герр Шварцкопф, точно приветствуя американца по-гитлеровски. Вслед за ним нерешительно потянулась кверху рука мсье Нувеля.

— Прошу опустить,— сказал американец.— Герр Шварцкопф, где вы видели русских?

— Под Минском, сэр,— отчеканил Шварцкопф.

— Под Минском? А разве их не было под Москвой или где-нибудь в другом месте?

— Были, сэр, но дело в том, что меня эвакуировали в тыл. Я был ранен.

— И это — всё?

— Всё.

Американец махнул рукой.

— Можете считать, что вы и не нюхали русского пороха. А вы, мсье? — обратился он к французу.

Француз усмехнулся.

— О, я с ними встречался в Восточной Германии. Да, да!.. Они явились в лагерь для военнопленных и освободили меня.

Американец насупился. А француз, словно не замечая этого, продолжал:

— Да, сэр, я видел их в двух шагах от себя, точно так, как вижу вас.

— И что же? — пробасил американец.

— Славные были ребята!

Американец недовольно повёл левой бровью.

— Оставим эти глупые воспоминания.— Затем обратился к англичанину, прислонившемуся к стене, и сказал: — Прошу вас поближе... А теперь, господа, обратите внимание вот сюда. Вы увидите то, что без предварительной тренировки способно свести с ума любого военного. Я это утверждаю со всей ответственностью!

Офицеры, выслушав такое вступление, невольно переглянулись. Турок обменялся немым вопросом с греком, люксембуржец подмигнул бельгийцу... Лишь герр Шварцкопф грозно скрестил руки на груди и расставил ноги на ширину плеч. Англичанин, насторожившись, сделал шаг назад.

Американец раздвинул занавес, и офицерам представилась странная картина: на стене висели сапоги, рукавицы, солдатские штаны, шапка-ушанка, ремень, вещевой мешок защитного цвета, плащ-палатка. К стене была прикреплена также пачка папирос «Беломорканал». Всё было развешано аккуратнейшим образом, точно в музее. Под каждой вещью красовалась соответствующая подпись, которая с неумолимой точностью свидетельствовала, что данное снаряжение является принадлежностью... Однако послушаем американца:

— Господа, перед вами обмундирование советского солдата. Прошу обратить внимание: это сапоги. Сапоги советского солдата! Прошу всех поближе. А вот это рукавицы. Они тёплые. Да, господа, тёплые! А это штаны...

Офицеры с интересом рассматривали эти нехитрые вещи, освещённые невидимыми лампами дневного света.

— Посмотрите на эту шапку,— говорил американец,— о чём она говорит? Я прошу вас на одну минуту представить себе лицо солдата, который носит такую шапку. Вообразите себе, что вы встретились с ним. Понимаете, встретились?

— Один на один? — спросил бельгиец.

— Да! Именно один на один!

Тот сощурил глаза и прикинул в уме, что́ сулила бы подобная встреча. При этом он состроил очень кислую мину.

— Чёрт возьми! — сказал бельгиец.— Мне даже не хочется и думать об этом.

— А надо! — жёстко сказал американец.— Весь смысл учебных занятий в том и заключается, что мы должны приучить наших коллег к внешнему виду советских солдат. Мы не смеем их бояться! Мы должны рассеять этот страх в собственной среде! Понимаете?

— Так точно! — выпалил Шварцкопф.

Американец посмотрел на него и улыбнулся: всегда ли будет этот бравый парень таким же храбрым?

— Итак, не будем отвлекаться. Каждый из вас должен подойти поближе и лично осмотреть и потрогать все вещи. Не бойтесь, господа, смелее!

Офицеры с опаской поодиночке дотрагивались до сапог, до шапки, до ремня, а потом оборачивались к другим, точно говоря: а вот я и не побоялся...

— Смелее, смелее! — подбадривал американец.

...А через несколько дней агентство Франс Пресс разнесло на весь мир удивительную весть: в Лувсьенне, в штабе Северо-атлантического союза, открыта выставка, на которой представлены кожаные сапоги, шапки-ушанки, ремни, вещевые мешки и прочие предметы снаряжения советских солдат. «Одна из целей выставки,— сообщило агентство,— приучить офицеров штаб-квартиры НАТО к общему виду советского солдата и тем самым сделать его менее страшным».

Я не знаю, каковы результаты выставки в Лувсьенне: стали вояки Северо-атлантического союза храбрее или наоборот. Но глупость организаторов такой выставки очевидна и, как говорится, не имеет границ.

Советские солдаты разгромили в минувшей войне гитлеровский вермахт. В дни мира те же люди в советской военной форме, находясь за рубежами своей Родины, не раз показывали образцы гражданского мужества, спасая детей и взрослых из горящих зданий, выручая из беды население районов Австрии и Восточной Германии, пострадавших от наводнений, снежных обвалов и других стихийных бедствий. Мирное население повсюду не боится, а уважает людей в форме советских солдат, так как знает, что эту форму носят благородные и мужественные воины. Они никому не страшны, кроме агрессоров.

Георгий ГУЛИА

Американская привилегия

Слово «обсервер» по-английски значит «наблюдатель». Естественно поэтому, что британская газета, носящая это название, не могла не наблюдать множества фактов, говорящих о росте антиамериканских настроений в Европе. Наблюдать наблюдала, а вот объяснить, очевидно, не смогла. И потому заказала профессору Гарвардского университета в США Сэмюэлю Бееру специальную статью на тему «Антиамериканизм». Выбор на Беера пал не случайно. Профессор не раз бывал в Англии и хорошо изучил предмет.

Существует ли антиамериканизм? Да, авторитетно заявляет Беер, но тут же добавляет, что американцам... «нравится та привилегия, что время от времени их бранят и поправляют».

Право же, это очень интересная мысль. Если развить ее, то получится весьма трогательная картина. Куда бы ни приехал американец — в Париж, Лондон или Рим,— везде предупредительные туземцы-европейцы любезно стараются сказать или сделать ему что-нибудь приятное.

«Американцы, убирайтесь домой!» — видит он, например, надпись на стене и в восторге кричит супруге:

— Посмотри, Глория, какая прелесть! Так мило с их стороны приготовить для нас такое удовольствие! Умоляю, сфотографируй меня на фоне этого чудного пожелания!

— Охотно, Генри, только стань левее, чтобы были видны те симпатичные люди, которые кричат нам что-то очень приятное и размахивают кулаками. И обязательно нужно, чтобы в кадр попал тот высокий брюнет в кепке. Какая роскошь! Как жаль, что вчера нас не побили в кафе, когда ты стукнул подносом по голове официанта! Как ты думаешь, побьёт нас кто-нибудь?

— Будем надеяться, Глория, будем надеяться!

Но увы! Смелый полёт научной мысли профессора Беера всё ещё недоступен американским генералам, дипломатам и разного рода советникам, наводняющим страны Западной Европы. Ненависть и презрение, которыми окружают их народы, не только не нравятся им, но вызывают страх и тупую злобу.

Г. ЮРЬЕВ

«ПАПА» САИД

У него была страсть к путешествиям. И подобно туристам-любителям Саид Галимович Чутуев уезжал всегда налегке. Никто не провожал его на вокзалах, ибо жизнерадостный Чутуев не выносил чьих-либо слёз и унылых просьб о переписке.

Разнообразие его географических маршрутов не даёт нам возможности установить, к какому виду местности тяготеет эта беспокойная натура. Его влекут и голубые озёра Армении и горные кручи Дагестана. Иногда судьба забрасывала его то в сады Узбекистана, то на родину кабардинских скакунов...

Но никакие красоты в мире не смогли бы заставить его прожить на одном месте более одного года...

Сейчас он пребывает в городе Орджоникидзе.

Это очень хороший город. Он лежит у подножия Столовой горы, что упирается вершиной в голубое небо. В городе есть тенистый парк, а в нём скамейки для влюблённых. Поблизости ревёт Терек. В положенные часы на небосклоне появляются луна и прочие светила.

Всё это инженера Чутуева вполне устраивало. Он обосновался в «Кавгипроцветмете», и доверчивые сотрудники долго не замечали в нём опасной страстишки к перемене мест.

Но вот однажды наш герой почувствовал знакомое томление. Столовая гора уже не ласкала его взгляда. Городской парк примелькался. Рёв Терека надоел. Даже бурдюки с вином, которым славятся осетинские базары, уже не привлекали его сердца.

В таком меланхолическом настроении инженер Чутуев вошёл в кабинет директора «Кавгипроцветмета».

— Здравствуйте и прощайте,— сказал он, пожимая руку начальства.— Не хочется вас огорчать, но ничего не поделаешь...

— Уж не переводиться ли вы задумали?

— Климат не подходит. Сыроват. Вы не находите?

— Не нахожу. А что это у вас в руке?

— Заявление. Желательно получить подъёмные. Сами понимаете, за свой счёт не наездишься!

— Понимаю,— сказал директор.— Тем более, что у вас это в тринадцатый раз. Так вам надо характеристику писать?

— Не надо. Каждый пишет о себе, что знает. Вот я кое-что тут набросал...

Характеристика была в духе тех, какие уже привык сочинять о себе Чутуев. Добрые начальники, вроде Благовидова из Квайсинского рудоуправления и Тамбиева из Лангарского рудоуправления, подписывали что попало. А таких начальников у Чутуева после окончания института было тринадцать.

На этот раз характеристика гласила, что инженер Чутуев, как никто, способствовал своими трудами бурному процветанию «Кавгипроцветмета».

— Гм...— буркнул директор.— Этого я и не подозревал. А не устроит ли вас другая, более скромная характеристика?

С этими словами он извлёк из стола какой-то конверт. Судя по штампам почтовых отделений, он прошёл длинный путь поисков адресата. Конверт таил в себе исписанный лист бумаги, вырванный из школьной тетрадки.

«Папа Саид,— начиналась эта странная характеристика.— Почему ты не приехал повидаться с нами? Теперь мы знаем, что ты нас не любишь. За целый год ты не прислал нам ни копейки. Разве такой папа бывает? Тётя Умамат приехала к нам и сказала, будто ты отправил нам посылку с конфетами и подарками. Почему ты врёшь, такой большой папа?»

— Ах, это Светлана! — затоптался у стола Чутуев.— Она со своей мамой живёт в Ижевске и немного скучает...

— Светлана?!

— Я хотел сказать, Миясат... Она из Кумуха...

— Миясат из Кумуха? Да сколько же у вас детей? Письмо прислали Элеонора и Люба. Они вас разыскивают.

— Элеонора и Люба? — бормотал Чутуев, пятясь к выходу.— Быть этого не может: они ещё маленькие.

За дверью он немного отдышался. Гадкие, невоспитанные дети! Ещё папой называют! Исполнительный лист — вот кто им папа!

Спасаясь от шести своих жён по разным городам, он и не заметил, как подросло брошенное им потомство. А юных Чутуевых было уже семь. Они научились читать и писать и теперь вместе со своими мамами включились в розыски «папы» Саида.

Но почему же бегал от них Чутуев? Чем не угодили ему жёны, и неужели все шесть оказались плохими?

Об этом и спросили его товарищи по работе на открытом партийном собрании «Кавгипроцветмета».

— Очень плохие были жёны,— захныкал Чутуев.— Сначала я женился на Салигат и Миясат. К сожалению, это отсталые горянки.

— Чем же они «отсталые»?

— Да как вам сказать... В стихах, например, не сильны. Читают их совершенно без выражения. А я без поэзии не могу. Пришлось развестись. Третья моя жена — москвичка Оля. Она живёт в Безбожном переулке. Это какая-то атеистка. Мне она совершенно не верила. Чуть где задержишься — скандал...

— А может, вы слишком уж «задерживались»?

— Не помню, табеля не снимал... Одним словом, мы расстались. О четвёртой жене, Марусе из Ижевска, мне даже говорить не хочется. Никаких воспоминаний не осталось... Иногда даже думаю: была ли Маруся-то?!

Было у меня ещё две жены, кажется, Нина и Тамара... Точнее? Если собранию интересно, можно заглянуть в моё личное дело. Там есть выписки из всех бракоразводных дел.

...Чутуеву вынесли общественное порицание. Оно досадило ему не больше, чем комариный укус. В таких ли бывал он переплётах! Когда-то за моральное разложение его исключили из партии. Потом был скандал из-за кражи документов, по которым он умудрился получить подъёмные на чужих детей.

Все эти события он перенёс легко, как говорится, «на ногах».

Чутуев бодр, весел, полон энергии и готов ринуться в новую поездку, лишь бы избежать встречи лицом к лицу со своими брошенными жёнами и детьми.

А не пора ли Чутуеву присесть отдохнуть? Хотя бы на скамью подсудимых?

Лариса ФЕДОРОВА

Рисунок В. АРУТЮНЯНЦА. (Из журнала «Перець», Киев.)

ДАЛЕКО ОТ ЗАДАННОГО ЦЕНТРА.

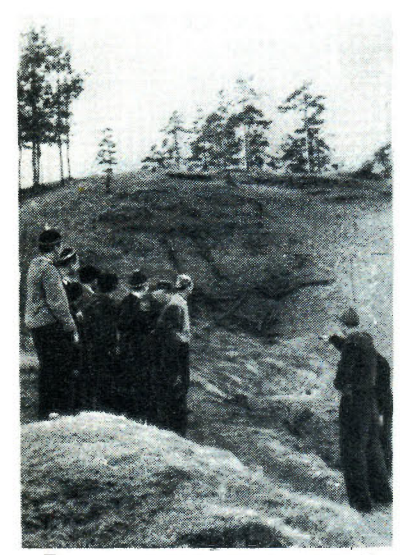
Рисунок И. СЕМЕНОВА.

— Ну, счастливого пути! Мы сделали всё, что могли...

фото-витрина

Время, назад!..

Не правда ли, скучный пейзаж?

Если вы спортсмен, вам всё без дальних слов понятно. Если нет,— всё равно посочувствуйте от души товарищам, которые, с грустью взирая на заброшенный уголок рижского парка Шмерли, говорят:

— Да ведь лучшего места для лыжного трамплина не подобрать! Почему же его здесь не строят?..

А теперь гляньте на другой снимок, сделанный нашим читателем тов. Л. Линдгольмом в том же уголке парка.

Гляньте и порадуйтесь вместе с окружающими:

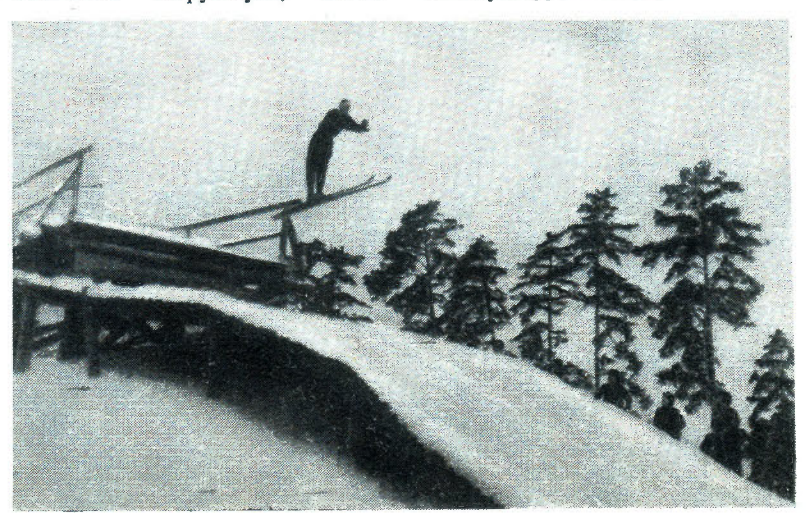
— Вот это прыжок! Вот это трамплин!..

Не скроем, мы предвидим ваши возражения:

— Ну, взглянули... Сперва действительно взгрустнули, потом порадовались. Но почему же эти снимки попали в фотовитрину Крокодила? Ведь теперь уже как будто всё в порядке...

В том-то и дело, дорогие товарищи, что никакого порядка тут нет. Потому что трамплин рижского парка Шмерли сфотографирован был в декабре 1951 года, а пустырь на месте этого трамплина — только сейчас.

Кстати сказать, пустырь запечатлён нашим читателем по пути к ближайшему действующему трамплину — в Сигулду, в пятидесяти с лишним километрах от Риги. О чём и доводим с душевным прискорбием до сведения республиканского Комитета по физической культуре и спорту.

Г. ПЕРОВ

Простор для лис

За кражу курицы однажды
Лисицу отдали под суд.
Злодейку эту знает каждый.
Лишь дело началось,
все звери тут как тут.
Сидят и ждут,
Чтоб суд Лисицу покарал сурово.
Лисице суд предоставляет
слово...
Она как поведёт плечом!
— Я,— говорит,—
всегда признать готова
Свои грехи,
но я ж тут ни при чём!
Вот паспорт мой.
Извольте убедиться,
Что я Лиса,
Лиса,
а не Лисица.
Судья опешил:
— Вот так чудеса!
Как в документе усомниться?
В нём ясно сказано:
«Лиса».
А нарушитель-то —
«Лисица»!
И, всем зверям на удивленье,
Суд сформулировал решенье:
Процесс немедля прекратить,
Лису на волю отпустить,
А за ущерб,
ей причинённый,
Воздать курятиной...
законной.

Там, где решает формалист,
Простор для лис!

В некоторых районах торгующие организации не проявляют элементарной заботы о чабанах, занятых на отгонных пастбищах.

Рисунок М. ЧЕРЕМНЫХ.

МИРАЖ В СТЕПИ.

МЕДВЕДИ смеются

Знаете ли вы, какой карманный фонарик самый нежный и чувствительный? Вероятно, не знаете. Мы тоже не знали, пока перед отправлением на «Северный полюс-4» не приобрели в магазине «Электротовары», что в Москве, на ул. Кирова, 13, карманный фонарик с загадочной маркой «ФЭП. Москва».

Если этот фонарик чуть-чуть сжать в руке, то он мгновенно гаснет. Если же держать этот мягкотелый фонарик совершенно свободно, он опять гаснет. Капризные контакты никак не хотят соединяться. Пережмёшь — не горит, не дожмёшь — тоже не горит!

Начали наши полярники экспериментировать: при помощи бумажек, проволочек и других приспособлений удалось ненадолго подчинить себе упрямца. Но... вскоре он снова печально угасал. Пробовали заговорить его — пели «заклинания»: «Мой старый друг, фонарик мой, гори, гори, гори!..» И это не помогло. Так и промучились мы с ним полночи [1], ничего не добившись.

Хотели просить совета у предприятия, выпускающего это «чудо техники», но таинственную марку «ФЭП» могли расшифровать только как «Фонарик экстренно потухающий» [2].

Вот и ходим мы с такими «мигалками» по льдине медведям на смех!

Л. ОВЧИННИКОВ

«Северный полюс-4».

ПРИМЕЧАНИЯ КРОКОДИЛА:

[1] Автор имеет в виду полярную ночь, продолжавшуюся несколько месяцев.

[2] Автор ошибается. «ФЭП» расшифровывается очень просто: завод «Физэлектроприбор» № 4 Главучтехпрома.

Рисунок Е. ЩЕГЛОВА.

РУКОВОДЯЩИЙ СЫН

— Напишите письмо моим родителям, да поласковее, а я подпишу...

ПО ПЕЧАТНЫМ СТРАНИЦАМ

Новости науки

Четырнадцатого ноября 1954 года весь читающий Челябинск был необычайно взволнован. Тираж областной газеты «Челябинский рабочий» разошёлся молниеносно. Несколько ошарашенные подписчики читали преимущественно одну статью — «О происхождении человека». А в этой статье сообщалось следующее:

«Уже давно было обращено внимание на большое сходство человека с животными. Развивающаяся наука — сравнительная анатомия расширила и углубила это сходство».

Читали и руками разводили:

— Вот так живёшь, а про самого себя, оказывается, ничегошеньки не знаешь! Чем дальше, тем больше походим на животных и даже не догадываемся об этом. Спасибо товарищам журналистам: разъяснили с точной ссылкой на науку, углубившую сходство...

Едва утихли научные страсти в Челябинске, как сотрудники газеты «Львовская правда» осчастливили мир новым выдающимся открытием. В статье «Возможны ли межпланетные путешествия?», опубликованной 28 ноября 1954 года, сказано совершенно определённо:

«Великий русский учёный М. В. Ломоносов открыл существование на Земле атмосферы, которая богата углекислым газом и бедна азотом. Однако до сих пор ещё нет никаких доказательств того, что в ней содержится кислород».

Прочитали об этом жители Львова и вздохнули. А вздохнув, испугались:

— Что же это мы делаем? Вдруг кислород в лёгкие попадёт? Он ведь ещё недоказанный!..

И после этого некоторые критики утверждают, что у нас недостаточно развит жанр научной фантастики!..

Дальше писать некуда...

Представьте себе такой случай: рабочему гаража комбината «Молотовуголь» тов. Петунину понадобилась спецодежда. И он подал об этом по начальству заявление. И заявление это...

Думаете, улеглось на неопределённый срок в ящик чьего-нибудь письменного стола? Ничего подобного! Оно получило без всякой задержки движение и начало быстро обрастать визами.

Первыми тремя визами было точно установлено, что Петунину спецодежда положена. С четвёртой визой «Выдайте спецодежду» заявление попало к начальнику центральной авторемонтной мастерской тов. Горохову. Но у тов. Горохова оказалось своё мнение:

«Спецодежду должна выдать Николаева, так как Петунин состоит в штате АХО».

А руководительница АХО тов. Николаева, не пожелав расходовать спецодежду «на чужого дядю», украсила заявление новой визой: «Так как АХО уплачивает Петунину зарплату, а 75% заправляемых машин относятся к ЦАРМ, следовательно, спецодеждой должен обеспечивать ЦАРМ».

В общем, всё рассказывать долго. Только на двенадцатый день заявление украсилось восьмой визой, на сей раз принадлежавшей бухгалтеру: «Спецодежда... выдана быть не может».

И после этого места для виз на заявлении больше не осталось. Автор же его так и остался, говорят, без спецодежды...

Меры приняты...

Если кто-нибудь вздумает упрекнуть председателя Костромского райисполкома тов. Терпигорева в том, что он не реагирует на сигналы печати, это будет, прямо скажем, несправедливо. Реагирует, да ещё как! Только-только появилась в областной газете корреспонденция секретаря партийной организации Заволжской МТС тов. Некрасова «Не берегут озимые посевы», а уж председатель исполкома принял свои меры и в ответ на замечание, что райсовет не борется против потрав, специальным письмом предложил руководству машинно-тракторной станции:

«Разъясните своему секретарю, что ему деньги платят не за то, что он пишет о случившемся, а за то, чтобы он не допускал подобных ненормальностей. Тов. Некрасов пишет, что все проходят мимо озимых посевов, я понял его так, что он их топчет один».

По наведённым нами справкам, автор корреспонденции в подобном разъяснении не нуждается. Но, может быть, местные руководящие организации признают целесообразным разъяснить самому тов. Терпигореву, как принято у нас реагировать на критику?

Вл. СИТОВ

...В девять часов утра в кабинет директора деревообделочного комбината «Северное сияние» Г. С. Балдичева был срочно вызван заведующий производством тов. Ладушкин.

Свещание руководства оказалось весьма кратким.

— Изгнали мы халтуру, товарищи? — гневно и громко вопрошал Геннадий Семёнович Балдичев, словно перед ним находилась многолюдная аудитория. — Нет, не изгнали!.. Упрощённые детские санки выпускаем. Стыдно сказать — брак сплошной. Нехорошо это получается, товарищи! Изделие непрочное, шершавое, детишки могут руки себе занозить. Куда это годится?

Геннадий Семёнович отпил воды и тут же сделал Ладушкину практическое указание спроектировать и построить образец новых детских санок, притом самого наиблагороднейшего вида.

— Для Витьки, — доверительно добавил он. — Через неделю у сынка день рождения, вот жена и прицепилась: хватит, мол, ему на вашем паршивом ширпотребе кататься...

Приказ есть приказ. По указанию Ладушкина работа закипела и в чертежной, и в модельной, и в заготовительных цехах, и на сборке. На сооружение усовершенствованных санок заведующий производством бросил могучую бригаду: тут были и конструктор мебели, и технолог, и краснодеревщики, и художник из клуба, и даже шофёр директорской «Победы», когда-то занимавший кучерское место в саночках-самокаточках, развозивших начальство.

Применялись скоростные методы конструирования. Со склада незамедлительно транспортировались древесина, краски, клей, лак. В кузнице молотобойцы ковали подреза. Мастера сооружали кузов. Технолог самолично остругал каждую дощечку. Клубный художник немыслимыми розами разрисовал заднюю спинку санок, а неутомимый Ладушкин сбегал домой и принёс серебристый валдайский колокольчик.

Когда изделие извлекли из сушильной камеры да отлакировали, так и засверкали на солнце все его детали: и копылья, и грядки, и кузов с малиновыми розами и с валдайским серебряным колокольцем сзади сиденья.

...Саночки-малеваночки торжественно плыли по воздуху, чуть поддерживаемые руками их основного вдохновителя и создателя — Ладушкина. В приёмной директора его приостановили. Секретарь испуганно прошептала:

— Ти-ише!.. К Геннадию Семёновичу нельзя! У него начальство из министерства...

В кабинете тем временем шёл крупный разговор. Через плотно прикрытую дверь, обитую рыжим дерматином, прорывались отдельные слова: «позор», «рекламация», «бракоделы», «не потерпим»... И каждый раз, когда возгласы достигали приёмной, секретарша закрывала глаза и обеими руками хваталась за щёки, будто у неё болели зубы. Ладушкин терпеливо ждал, кончиками пальцев поддерживая на воздухе новое изделие.

Внезапно распахнулась дверь, и оттуда выскочили представитель министерства и порозовевший от переживаний Геннадий Семёнович.

— Что это? — громко и с хрипотцой крикнул представитель. — Что это, я вас спрашиваю? — повторил он, указывая на переливающиеся красками и лаками санки.

— Новая модель, детские салазки, облагороженный тип, — скороговоркой произнёс директор.

Стоящий тут же Ладушкин от себя вставил реплику:

— Подарок!.. Нашей, так сказать, детворе. В частности...

Работник министерства с интересом осмотрел санки, даже потрогал лакированное сиденье, вследствие чего однозвучно загремел колокольчик.

— Красота! — произнёс подобревший товарищ из центра. — А вы, Геннадий Семёнович, — хитрейший человек! — добавил он. — Такое вот сгрохали — и молчок!.. Да это же клад для вашего «Северного сияния». Надо это дело приветствовать и одобрять...

И тут же на листке блокнота представитель лихорадочно набросал колонки цифр.

— Так-с!.. До конца года мы вам запланируем двадцать тысяч этой новой модели. Спрос-то какой будет, только разворачивайтесь...

Геннадий Семёнович что-то хотел сказать: то ли возразить москвичу, что мы, мол, не сможем быстро перестроиться, то ли признаться, что «улучшенный тип» предполагался к выпуску в единственном образце, но во-время смолчал и лишь махнул рукой.

Восприняв жест начальника как приглашение удалиться, Ладушкин так бережно опустил на стол волшебные саночки-малеваночки, что колокольчик еле-еле звякнул этаким серебристым звоном, радуя размягчённые сердца руководителей «Северного сияния».

...Вечером, взволнованный всем случившимся, Г. С. Балдичев возвращался домой. Раздеваясь в передней, он неосторожно задел старые витькины санки, и они развалились на свои составные части. Геннадий Семёнович небрежно отбросил их ногой и доверительно сообщил выскочившей на шум супруге:

— Выкарабкался...

Рисунок М. БИТНОГО

— Одного сократить, другого сократить, третьего сократить!.. Кто же работать будет? Не я же!

ИСПУГАЛИСЬ

Рисунок А. КРЫЛОВА.

— Туда и лезть страшно... Говорят, в таких овчарниках только волков морозить...

Рисунок М. ВАЙСБОРДА.

— Из-за этих хозяйственников мне теперь всю зиму с отмороженным носом стоять!

Дорогой Крокодил!

ТОВАРИЩ КРОКОДИЛ!

По этому вопросу мы уже обращались во многие и многие организации... Не пугайся, дорогой Крокодил, такого начала. Я не буду длинно описывать всей этой бумажной волокиты, постараюсь кратко изложить лишь соль...

Именно о соли мы и беспокоимся. Нашему тресту она крайне необходима для изготовления бетона и железобетона дешёвым способом — на соляном растворе. Ещё в июне 1954 года 500 тонн этой соли прибыло для нашего треста в Ульяновский порт. И с тех пор соль не сдвинулась с места! Писали мы и в Министерство речного флота СССР, и в МПС, и в Ульяновскую областную прокуратуру...

Нельзя сказать, что нам не старались помочь: из Министерства путей сообщения давались строгие указания Уфимской железной дороге о предоставлении вагонов под соль. Внимательно разобралась в этом вопросе и областная прокуратура: она точно установила, что тресту соль действительно

до сих пор не отгружена. Но, несмотря на эту разнообразную помощь, соль продолжает лежать, а мы — волноваться: производство бетона и железобетона в тресте остановилось.

Так и сидим мы, не солоно хлебавши, рассылая во все адреса просьбы и требования о помощи. Вот в этом-то и соль.

Г. МИХАЙЛОВ,
заместитель начальника конторы технического снабжения треста «Челябметаллургстрой».

г. Челябинск.

ДОРОГОЙ КРОКОДИЛ!

С радостью сообщаем тебе, что наконец-то в скобяном магазине № 12 нашего рыбкоопа в продаже появились... банные мочалки производства мгинской артели «Промвторсырьё», Ленинградской области.

Судя по тому, что их везли так далеко, они, видимо, обладают чудесными свойствами сказочной ленинградской мочалки, воспетой в «Мойдодыре». Иначе зачем было их везти сюда, где сколько угодно сырья для изготовления мочалок! Известно, что в сказке Чуковского Крокодил ту мочалку, словно галку, словно галку, проглотил.

Интересно, как руководители местной промкооперации проглотят упрёк в том, что из-за их нерасторопности приходится везти к нам мочалки за десять тысяч километров?

Б. ЖИХАРЕВ

Советская Гавань.

УВАЖАЕМЫЙ КРОКОДИЛ!

Недавно я получил гневное послание из Всесоюзного заочного финансово-экономического техникума. Дирекция осыпала меня педагогическими попрёками, обвиняя в злостном безделии и прочих смертных грехах. «Почему вы не сдали ни одной контрольной работы?!» — горестно вопрошал директор Г. Бирюков и тут же предлагал:

«...представить до 1 января 1955 года объяснение о пассивной учебе для решения вопроса об остановлении Вас в числе учащихся техникума».

Между тем на моём столе давно покоятся копии восьми контрольных работ, посланных мною в техникум. Больше того: шесть работ успели уже вернуться с отличными и хорошими оценками.

Видно, руководитель заочного техникума не только заочно ругает студентов, но и заочно подписывает бумаги.

Н. ТРАИЛИН,
учащийся 3-го курса.

г. Сталинград.

ОЗАДАЧИЛИ

Рисунок А. БАЖЕНОВА.

— Приглашают на родительское собрание, а адреса школы не сообщают.

Крокодил помог

В заметке «Холодная встреча» (№ 24, 1954 г.) писалось о плохом обеспечении топливом Училища механизации сельского хозяйства № 5 (Калининградская область).

В настоящее время училищу выделено 100 тонн угля, из которых 60 тонн уже доставлено на место.

В Крокодиле № 28 (1954 г.) в письме тов. Есиповича говорилось о том, что помещение клуба на станции Златоуст давно нуждается в ремонте.

Как нам сообщили из Управления Южно-Уральской железной дороги, клуб отремонтирован.

В фельетоне «Стой! Красный свет» (№ 29, 1954 г.) были приведены факты продажи другим организациям легковых автомашин, предназначенных для колхозов Львовской области.

За грубое нарушение установленного порядка продажи легковых автомашин рыночного фонда на председателя правления Львовского облпотребсоюза тов. Луника и начальника финансового отдела облпотребсоюза тов. Свинцова наложены взыскания.

(ПО НЕОПУБЛИКОВАННЫМ ПИСЬМАМ)

Инструктор Троекуровского исполкома районного Совета депутатов трудящихся (Липецкая область) А. Р. Павлова обратилась в редакцию Крокодила с жалобой на неправильное увольнение с работы.

Тов. Павлова на работе восстановлена. Заработная плата за время вынужденного прогула ей выплачена.

Исполком Александрийского Совета депутатов трудящихся (Кировоградская область) небрежно отнёсся к просьбе гражданки Натальченко о ремонте квартиры. По этому поводу Натальченко обратилась с жалобой в Крокодил.

В настоящее время квартира Натальченко отремонтирована. Начальник ремстройконторы тов. Назаров за безответственное отношение к запросам трудящихся с работы снят.

В колхозе «Всходы» (Челябинская область) пало много телят. Председатель артели Лосев пьянствовал, халатно относился к работе, в период сеноуборки уехал из колхоза. Колхозники сообщили об этом Крокодилу.

За развал работы Лосев с поста председателя колхоза снят. Заведующий молочно-товарной фермой Кочкин привлечён к материальной ответственности.

Главный редактор — С. А. ШВЕЦОВ.

Редакционная коллегия: А. Н. ВАСИЛЬЕВ, Д. И. ЗАСЛАВСКИЙ, В. Я. КОНОВАЛОВ, И. В. КОСТЮКОВ (зам. главного редактора), КУКРЫНИКСЫ (М. В. КУПРИЯНОВ, П. Н. КРЫЛОВ, Н. А. СОКОЛОВ), С. Д. НАРИНЬЯНИ, И. А. РЯБОВ, Л. С. СОБОЛЕВ.

Изд-во «Правда». Адрес ред.: Москва, Д-47, ул. «Правды», 24. Тел. Д 3-31-37, Д 3-34-37. Приём ежедневно (кроме воскресных дней) с 13 до 17 часов.

А 00709. Изд. № 78. Подписано к печати 10/I 1955 г. Формат бум. $70 \times 108^{1}/_{8}$. Заказ № 41. Тираж 600 000 экз. 1 бум. л. — 2,74 печ. л.

Ордена Ленина типография газеты «Правда» имени И. В. Сталина. Москва, ул. «Правды», 24.

Рисунок К. РОТОВА.

ДРУЖЕСКАЯ ВСТРЕЧА В ИНДОКИТАЕ.